

Кемерово

Кузбассвуиздат

2000

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ ПО БОЛЬШОМУ СЧЁТУ

Всегда с известной долей уважения относился и отношусь к истинно интеллигентным людям, одержимым какой-то доброй идеей, в частности поисками и своеобразными комментариями не столь давних фактов, ставших теперь историческими.

Неожиданно ушедший из жизни кемеровский журналист Борис Антонов — один из числа таких редких энтузиастов. Его перу принадлежат статьи, очерки, эссе о бывших известных советских деятелях искусства, пострадавших от режима Сиблага. Это не сухие наукообразные материалы, а волнующее каждого неравнодушное, человеческое слово.

Диапазон журналистско-поисковых работ Бориса Семёновича выглядел широким, его исключительное трудолюбие бесспорно. Он долгое время работал на телевидении, но после двух операций на сердце уволился оттуда, продолжая заниматься любимым делом, определившим его призвание. Печатался в газетах и журналах, готовил телепередачи.

В Кемеровском издательстве вышла повесть Б. Антонова «Концерт для контрабаса с собакой» и сборник (в соавторстве) «Живут же люди!»

В оргкомитет литературного конкурса, посвящённого 55-летию Победы, была прислана и «маленькая повесть в письмах с короткими комментариями». Автор назвал её символично — «Так хочется жить», будто предчувствовал, что дни его сочтены.

О Вере Волошиной писали многие. Бориса Антонова это не смутило: у него в руках оказались редкие «тетрадные листочки», пронзительные в своей искренности, откровенности письма к маме Клавдии Лукьяновне. Ей Вера доверяла всё: сомнения, размышления, а иногда и свои девичьи тайны и мечты.

И дело не только в эпистолярной интимности. «Вера, как и многие герои, — размышляет автор, — бронзовела. Всякие колебания в её взглядах и поступках отпадали. Гнев праведников вызывали частые жалобы на трудности жизни в столице. Не к лицу, мол, героине плакаться. Вычеркнутые строки в данной редакции восстановлены. Кроме того, в повесть включены ранее неизвестные письма и сделаны короткие комментарии к событиям, шагнувшим в историю».

Словом, маленькая повесть в письмах вполне может претендовать на творчество по большому счёту. Предоставим читателям возможность самим в этом убедиться.

Владимир Матвеев,

Член Союза писателей России

Даты 29.XI.1941 года мы не встретим в письмах Веры Волошиной. Субботний день был последним в её жизни, короткой и яркой, как след падающей с полуночного неба звезды.

Она и сама стала звездой. Её имя носят малая планета — 2009, корабль торгового флота, улицы, школы, детско-юношеские центры.

О ней писали Овидий Горчаков, Владимир Успенский, Георгий Фролов, Виль Рудин.

Не станет ли ещё одна повесть пересказом известного, перепевом слышанных мотивов?

Я бы не решился ещё раз писать о Вере, если бы не попавшие в руки — в клеточку, в косую линейку, просто в линейку, а то и просто без линеек — тетрадные листочки.

Часть из них написана ручкой, часть — карандашом. Почерк тоже не одинаков: то спокоен и аккуратен, словно с чистописания, то тороплив и до такой степени нервен, что нетрудно представить психологическое состояние автора в минуты откровений.

Писем и открыток много. Четыре десятилетия хранила их Клавдия Лукьяновна, Верина мама. Связь с домом была крепкой. Вера писала часто, по самому разному, порой незначительному поводу. Да разве в поводе дело? Просто она очень и очень любила свою маму, бабушку и отчима — дядю Володю. Отца не помнила и вряд ли что

знала о нём, поскольку Клавдия Лукьяновна умела хранить тайны, которых после гражданской войны и разных классовых передраг накопилось до макушечки.

Вера доверяла матери всё: сомнения, размышления, а иногда и свои девичьи тайны и мечты.

Перебирая письма, приходилось кое-что опускать. Полтора десятка лет назад ещё очень робко упоминали о репрессиях и потому скользкая тема не должна была встречаться в письмах патриотки. Вера, как и многие герои, бронзовела. Всякие колебания в её взглядах и поступках отпадали. Гнев праведников вызывали частые жалобы на трудности жизни в столице. Не к лицу, мол, героине плакаться. Вычеркнутые строки в данной редакции восстановлены. Кроме того, в повесть включены ранее неизвестные письма и сделаны короткие комментарии к событиям, ставшим историей. Письма же Юрия Двужильного публикуются по одноимённой повести Г. Фролова.

И Вера, и Юрий учились в одной кемеровской средней школе №12. Главной мечтой для Веры было неукротимое желание поступить в тот самый прославленный институт, где мускулистые студенты приветствуют друг друга при встрече ёмким и упругим, как только что наканчаный футбольный мяч, словом

«ФИЗКУЛЬТ-ПРИВЕТ!»

6.X.1937 г.

Доехали хорошо, даже очень. Живу в общежитии института. Институт очень хороший, богатый. Общежитие, столовая — всё вместе, при институте.

Испытания начнутся с завтрашнего дня, т.е. с 7-го.

Придётся маленько похудеть. Уже ездили в метро — красота!

17.X.1937 г.

Сейчас получила документы. Что принята на первый курс и являюсь студенткой. Какая я счастливая! В день приходилось сдавать два предмета. Вчера сдавала последний — лёгкую атлетику. На улице мороз, слякоть, а мы

в трусах. Я простыла, маленько болит горло, но ничего. Институт замечательный. У нас комната на шесть человек, все сдружились — хорошие девчонки. При институте свой стадион, душ, столовая. Институт большой, большой. А Москва! Я в неё всего восемь раз выходила, ещё нигде не была. Ездила в метро, была на Москва-Волга канале, в парке, а больше нигде. Москва ещё нехорошее впечатление производит, какое-то гнетущее. Всё асфальт, камень, походишь — голова болит. То и гляди, что задавят. Метро замечательное. Сплошной мрамор, дорогой камень.

Мама, если можно, то вышлите мне денег сколько-нибудь, а то мне не хватает, уже осталось сорок рублей, а я сейчас истощала, я сегодня вылезла из бассейна, даже ноги трясутся. Все у нас измучились. Все злые, нервные. Но я рада, какой замечательный институт. Вот вы даже не представляете. Стипендия, говорят, будет у нас 225 рублей — не знаю ещё. Первый курс как будто будет жить в лагерях. Может быть, я попаду в комфак — в лётное отделение. Вот бы попасть!

По свидетельству одноклассников, Вера ещё в школе мечтала о небе. Она пыталась поступить в Кемеровский аэроклуб, но, увы, получила отказ: кое-кому не понравилась биография отца.

Жили Волошины нелегко, но им очень хотелось, чтобы дочь училась непременно в Москве, несмотря на все трудности. Вера не была расточительной. Она отчитывалась за каждый рубль, радовалась каждому переводу.

Не хочется вычёркивать из писем бытовые детали. Они создают атмосферу времени, говорят о характере человека, его привычках и пристрастиях, снимают «хрестоматийный глянец» с героев, делая их обыкновенными людьми, а не забронзовевшими истуканами.

21.X.1937 г.

Я сегодня получила перевод. Большое, большое спасибо. Мы уже с девчатами собирались поступить в официантки. Ну, а сейчас живём.

Большое, большое спасибо.

Институт замечательный. Я нисколько не каюсь, что сюда пошла. Сейчас кончают четырёхкурсники. И куда им только ни дают места! Куда хочешь! И заработная ставка меньше 700 руб. нет. Это зависит, куда поедешь. Зимой мы, наверное, будем жить в Серпухове. Будут нас приучать к дисциплине.

Последние три дня мы все девчата по одному разу ели. Мне сначала показалось, что в столовой дёшево, но вышло — просчиталась. Ведь надо, столько убухнула денег за несколько дней. Правда, я купила себе носки, они мне необходимы для гимнастики, ведь я приехала без носков. Купила блузочку-фуфайку за тринадцать рублей и лосевые полуботинки. Сейчас мы с девчатами решили больше в столовой не столоваться.

Я сама себе стираю бельё — научилась, да ещё без доски. У нас здесь прачечная. Научилась штопать чулки.

25.X.1937 г.

Вчера была в Третьяковской галерее. Особенно сильного впечатления она на меня не произвела. Я просмотрела картины как-то скомканно. Картины смотрела одна, а поэтому, не зная их истории, смысла — что хотел показать художник — я сама найти не смогла и только устала.

Лучше всех мне понравилась картина Репина «Убийство Иваном Грозным своего сына». Я просто отойти не могла. Глаза отца — это просто что-то жуткое. Когда в них смотришь, они постепенно оживают, становится жутко, отшатываешься, скорей отводишь глаза. А кровь! Как настоящая, запекшаяся кровь. Очень сильное впечатление произвела картина «Явление Христа», хотя она и не закончена.

Вечером с девчатами ездили на Красную площадь. Как красиво! Высоко, высоко кремлёвские стены с башнями. А на башнях звёзды из рубинового стекла. Они горят вечером, их видно далеко, далеко. Красные с переливом. Под стеною ёлочки, много-много, и мавзолеей. Внутри я ещё не была. А с виду! Представляете: из красного и чёрного, переливающегося мрамора — весь и даже подножье всё. И кругом ёлки. Стоят часовые. Наверху красное

шёлковое знамя. Ой, как понравился! Мне всё хотелось и хотелось ходить около, но нельзя. Внутри ещё не была. Он открыт с 5 до 7. Вот когда мне начинает нравиться Москва. Чего тут только нет! Как красиво вечером!

Мы с девчатами бесплатно ездили в трамвае, слезя на каждой остановке, чтобы не оштрафовали. Денег на трамвай у нас нет, и мы ухитряемся без них.

Сейчас не скучно. Я поступила в драмкружок, в хоровой кружок и от нечего делать занимаюсь в них. О доме, правда, соскучилась. Хочется молока попить. Здесь оно дорогое и нехорошее. Хочется блинов.

Москва сейчас вся моется, красится. Бегают людишки с вёдрами, красками, лестницами, того и гляди вымажут.

Сегодня постригла свою шевелюру. Сейчас вымылась в душе, сижу вымытая, постриженная и вам пишу.

9.XI.1937 г.

Целую крепко-крепко. Поздравляю с праздником, хотя немного и запоздала. Как вы его провели?

Праздники я провела хорошо. Седьмого мы встали в 6-30 минут, в 7-30 мы уже выходили из института. До Красной площади дошли в 2 часа дня. Продвигались очень медленно, часто останавливаясь. Что творилось! На каждом перекрёстке трибуны, оркестры, танцы прямо на улице, песни. А цветов! А песен! Просто вся Москва пела. На площади мы шли далеко от трибуны, где был т. Сталин, но всё же я видела его.

7 ноября выпало на воскресенье. Ночью землю неожиданно прихватил добрый морозец, спутав планы тех, кто хотел продефилировать по главной площади страны в летней одежде, как в минувшем году. Но подвела погода. Пришлось умирить свой пыл и одеться потеплее.

Потеплее оделись и вожди.

Когда стрелки часов приблизились к 10 и вот-вот должны были отыграть куранты, на трибуну мавзолея поднялись Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Андреев, Микоян, Ежов, Берия, Булганин. Зашли они *не по писанному* (так в тексте. – адм.), но общепринятому правилу согласно степени приближённости к вождю, однако на трибуне встали иначе, нарушая складывающиеся традиции. Генеральный секретарь ВКП(б) Сталин и Генеральный комиссар госбезопасности Ежов оказались крайними. В серых шинелях и форменных фуражках, напоминающих о непрекращающихся классовых боях, они походили на строгих часовых, охранявших преступную шайку. Но сами «охраняемые» меньше всего походили на злодеев. По-доброму улыбаясь, они приветственно вздымали руки, вызывая у проходящих чувство восхищения своими кумирами. И забывалось, что ещё в прошлом году на этой трибуне стояли Чубарь, Эйхе, Межлаук, Косарев. Обновились и гостевые трибуны. Не было на них многих старых большевиков, учёных, военачальников: Тухачевского, Якира, Блюхера. Их имена вытравливались из людской памяти так же, как и имена Бухарина, Рыкова, а до того — Каменева, Зиновьева, Пятакова, Сокольникова. Умелая пропаганда сделала своё дело: печально-роковые события не омрачали революционные праздники, которые год от года проводились всё с большим размахом.

9.XI.37 г. (продолжение письма)

Что творилось в Москве! Идёт какая-нибудь старушка и та песни поёт.

В институт мы пришли в 4-30. Устали. Как пришли, так и спать.

А вечером! Над всей Москвой было написано ХХ прожекторами. Шум, гамю
На каждой площади танцы, концерты, кино. Мы катались на такси, на метро,
по Воскве-Волге.

Ой, мама, до чего хорош наш институт! Ведь лучший институт во всём
Союзе!

Погода стоит сейчас хорошая. На площадь мы ходили в лыжных костюмах.

Мама, вы обо мне не беспокойтесь. Неряхой я никогда не стану,
распущенной также. У нас этого в институте не терпят. С ребятами я здесь

также ни с кем не дружу. Я знаю, вас это больше всего тревожит. С девушками живу со всеми дружно. Учиться очень интересно.

С 17 декабря по 18 января весь первый курс будет жить в лагере.

Лагерь очень хорошо благоустроен. Там есть все аудитории для занятий, залы.

Там у нас главные занятия будут: анатомия, политграмота, лыжи, гимнастика и коньки. А сейчас пока всё. Всех смешней из предметов — это фехтование и дзюдо. По фехтованию мы проводим занятия или со шпагами, или с винтовками. Перед нами на практических занятиях поставят чучело, и мы рубим его, колем. А на дзюдо — это китайская борьба, при которой выламывают кости — нас учат к самозащите в любой момент при борьбе.

Строго следят за выполнением режима. В 12 часов во всём институте гасят свет.

17.XI.1937 г.

Целую всех крепко-крепко.

Ровно полмесяца, как мы начали заниматься, а как-то даже не заметно. Быстро, быстро пролетели дни. Вчера получила стипендию, аванс, 70 рублей. Тридцать получила ещё второго — всего 100 рублей. А вся стипендия 200 рублей. Сейчас восемь часов, только что пришла из политехнического музея. Там был концерт.

Как мне хочется увидеть вас. В институте не скучно, жизнь кипит, даже некогда думать, а вот ляжешь в постель, вспомнишь свою кровать, хотя теперешняя ничем не отличается, кроме того, что больше простыней, так хочется домой.

Вчера и сегодня идёт всё время снег, который днём тает, а вечером получается гололедица. Очень опасно ходить по улицам, того и гляди разобьёшься. Вот сейчас мы ехали на трамвае, а народу! Жутко! Один сорвался и чуть не попал под трамвай.

Несколько дней назад в Москве были туманы. День, а ничего не видно. Всё движение приостановлено. Было несколько аварий, столкновений человека с человеком, ломали руки, ноги. Мы никуда не выходили.

Мама, вышлите валенки и тёплые рукавицы, если можно — тёплые носки, а то в лагере мы не будем слазить с лыж. А на лыжах здесь ходят в ботинках.

Сейчас у нас почти каждый день фехтование или строевая подготовка на улице. Поставят чучело перед нами, мы их колем, рубим.

12.XII.1937 г.

Добрый день!

Как давно я не писала домой!

Сегодня двенадцатое число, я только что пришла с избирательного участка, где опустила бюллетени за т. Молотова и т. Булганина. Москва сегодня всю ночь не спала. Ночь, а народу на улице. Всю ночь радио. Мы совсем не спали, но чувствуем себя прекрасно. Внизу под нами в столовой играет духовой оркестр

Я маленько болела. Сегодня второй день как на ногах. Восьмого я на физике упала в обморок. Меня положили в изолятор. Врачи нашли перегрузку сердца. Думали, что у меня что-то с лёгкими. Была на рентгене. Ничего не нашли. Это, наверное, от большой перегрузки. Всё пройдёт. Очень много приходится физически работать.

18.XII.1937 г.

Только что пришла из анатомки, сдавала остологию. Сдала. У нас уже начались зачёты. Пока идёт всё благополучно. Сейчас даже некогда о чём-нибудь постороннем думать. Как вечер — все сидят и зубрят. И я, которая всего боялась, сегодня спала с костяшками. Вчера сидели до полночи около скелета, да стащили руки и ноги в общежитие и везде с ними таскались. Я уже совсем поправилась, только иногда кружится голова.

Как я рада, что сдала анатомию. А как я волновалась. У нас 16-го сдавали ребята, и из 18 человек сдали только шесть. Но и мы, конечно, девчонки, до сумасшествия учили, даже язык заплетался.

У нас уже началась подготовка к маскараду. Что-то задумывают невероятное.

27.XII.1937 г.

Вчера у нас был практический урок по тактике.

Мы утром выехали на лыжах со станции «Сходня», прошли около 30 километров. Вышли на станцию «Планерная» и приехали в Москву в 6 часов.

Производились тактические занятия. Мы шли с картами, с компасами. Я шла командиром правой боковой разведки. Довела своё отделение лучше всех. Сегодня получила благодарность.

Новый год буду встречать в институте. Будет ёлка, карнавал на катке, маскарад, ужин.

Г.Ц.О.Л.И.Ф.К. — это: Государственный Центральный ордена Ленина институт физической культуры — вот!

19.I.1938 г.

Только что получила ваше письмо, мама, и отвечаю. Какая вы у меня молодец. Историю партии прорабатываете, а я ещё не начинала по новому учебнику, в каникулы возьмусь.

У нас в комнате ужас. По всем стенам карты висят, книги везде разбросаны. «Дым коромыслом».

Вчера мы ездили играть в волейбол с обществом «Металлист» и проиграли. Все злые, как собачонки, грызутся.

21.I.1938 г.

Сиюю на анатомии. Сейчас только спросили, я свободна и пишу вам письмо. Уже четвёртый день живу опять в институте. Одиннадцать дней жили в лагерях. Была специальная тренировка по лыжам. Нас гоняли по два раза в день по четыре часа и, к удивлению всех, мы поправились.

Лагерь расположен на реке Оке. Местность замечательная. От Москвы 112 километров. Первый раз видела зимний лес, даже красиво. Лагерь расположен в сосновом лесу. Спали, ели, катались на лыжах. Лыжи все, за исключением четверых, сдали на «отлично». Мне на лыжах, конечно, было легко, а вот некоторым досталось: тем, что приехали с юга. Сейчас у нас начался хоккей.

В лагере мы все между собой сдружились, группа очень дружная. Мы соревнуемся с ребятами, у кого больше будет «отлично». Пока наша группа, женская, на первом месте.

24.I.1938 г.

У нас начались каникулы со вчерашнего дня. Экзамены я все сдала, можете меня поздравить. На стипендию не натянула, есть «посредственно». Но вы, мама, не сердитесь, сейчас очень трудно сдавать на «отлично». Мы сдавали 6 предметов, из них нужно было, чтобы получить стипендию, 4 сдать на «отлично», а 2 — на «хорошо».

Нужно отдохнуть, я очень устала. Но отдохнуть, наверное, хорошо не удастся. Нас 15 человек из института посылают в лыжный пробег на 130 километров (Москва — Озёра).

1.II.1938 г.

Почему вы мне не пишете? Я давно послала письмо, а ответа нет. Не случилось ли что-нибудь? Меня это очень беспокоит. Я живу хорошо.

Пыталась поступить в лётную школу в Московский аэроклуб, да ничего не вышло. Медицинская комиссия не пропустила. Шум сердца. Что-то неладно с клапаном, а вообще — здорова, но не годна.

В лётную школу я бы с удовольствием пошла.

Дата не проставлена

Мама, обо мне не беспокойтесь, я здорова. Я же знаю, вы днём и ночью думаете, что Верка, наверное, заболела или попала под трамвай, это у вас в крови и ничем не излечишь.

С 25-го начну учиться в школе коротковолновиков-радистов. Занятия один раз в пятидневку, как-нибудь урву время. Это будет не лишне, и вы не будете волноваться, что разобьюсь.

10.II.1938 г.

Пришла только что с гимнастических соревнований. Какое хорошее настроение, как-то хорошо на душе.

Представьте гимнастический зал, больше в полтора раза, чем большой зал Дворца труда. Вообще-то он легкоатлетический. Беговые дорожки, ямы для прыжков, но всё это заделано: висят кольца, трапеции, сетки, турники и всё прочее.

Большие, большие трибуны для зрителей. Заиграл духовой оркестр (наш собственный), начался парад. Голубые, синие, белые гимнастические костюмчики. После парада начались соревнования.

Наша команда выступала в голубеньких сплошных костюмчиках. Шили две ночи подряд, столько нервов попортили. У меня даже вчера после урока фехтования от нервного возбуждения почему-то выступили кровеносные сосуды в верхних глазных впадинах. Такие точки, точки, прямо смех.

Сейчас незаметно.

Шлю вам карточку, на которой тень или, вернее, жалкая попытка

изображения меня и одной девушки, Веры, койка которой стоит рядом с моей. Это нас её брат снял в коридоре, как раз шли с лекции. Я как будто смеялась, а вышла как чуча.

Ну, как я занимаюсь? Ничего. Считают пока отличником. Не знаю, как будет дальше.

Вообще наша женская группа I-го курса держит первенство во всех отношениях в институте. Очень хорошо развито соревнование. Я работаю по комсомольской линии пропагандистом. 13-го буду делать домохозяйкам в доме 19 доклад «Сталин и Красная Армия» Нас там двое девушек работает.

В феврале на долю Веры выпали нелёгкие физические и нравственные

ИСПЫТАНИЯ

18.III.1928 г.

Сегодня я первый раз за шесть дней села, а то лежала плашмя, не могла двинуть ни рукой, ни ногой. Сейчас пишу на коленках и видите, какие калякулы.

До десятого у меня был грипп. Я не хотела идти в изолятор, потому что нужно готовиться к сессии по анатомии и физике. Я ходила с температурой в анатомку, доходила до того, что падала. У меня схватило суставы обеих ног. До полдня я орала. Со мной не знали, что делать, отнесли в изолятор.

Мама, какая адская боль. Мне ни разу так не было трудно, больно. Я бы лучше умерла, чем такую боль переносить. Оказывается, осложнение после гриппа. Я простудила ноги, бегала в тапочках и калошах. Ведь здесь уже весна! Сегодня первый раз села. Думаю, что скоро разрешат на костылях, а потом и так.

Сейчас я кроме апельсинового, лимонного сока ничем не питаюсь. Апельсины до того надоели, что не могу на них смотреть.

Как надоело лежать! А главное, температура всё время высокая. А доктор говорит, что ещё десять дней. Ой, как обидно. На дворе весна.

6.IV.1938 г.

Крепко, крепко целую дорогих!

Сегодня 6 апреля, а я всё ещё в изоляторе. Должна была выйти третьего, но ничего не вышло. Теперь, наверное, выйду числа 16-го апреля. Завтра в институте начнутся занятия, а мне придётся «выдерживаться». Всё время лежу, вставать нельзя. Каждые два часа глотаю силициловый натр, лежу, смотрю в окно, слушаю радио, читаю.

Придётся примириться и отлежать до конца.

Привет бабушке. Я её видела сегодня во сне: как будто она пекла блины, а я у неё просила попробовать.

14.IV.1938 г.

В палате светло, светло. Солнце так и лезет в окно. Сегодня настоящий весенний день. Я всё ещё сижу в изоляторе и жду как «у моря погоды», когда пройдёт ревматизм. Врач говорит, что не выпустит, пока совсем тепло не будет.

Сейчас мне не так скучно. Целый день кто-нибудь есть из девчат. Ребята приходят, читают, рассказывают.

Вчера вдруг заходит сестра и говорит, что к тебе пришла родня. Я испугалась дуже. Говорит: мужчина и женщина. Я думала, мама и дяд Володя, но это, оказывается, профессор по анатомии и ассистентка, которая ведёт у нас практические занятия, т.е. с трупами. Она меня очень любит и вот пришла и притащила с собой профессора. Мне даже неудобно было, и он откуда-то меня знает, вообще-то профессора никогда своих студентов не знают.

В институте сейчас готовятся к первомайскому параду. Мне, видно, не придётся выступать.

Мама, знаете, мне вчера принесли флакон духов «Красная Москва».
Хорошие, хорошие — это за то, что я на вечере самодеятельности, ещё до
болезни, выступала со своим стихотворением.

18.IV.1938 г.

Добрый день, мама!

Ну, сегодня уже 18-е, а я пока ещё в изоляторе. Шестнадцатого вышла
сдавать физику, вечером повысилась температура и закрючились суставы, и
вот опять лежу. И как обидно: физику-то на «уд.» сдала, прямо зло. Ну,
ладно. Мама, а до чего на улице хорошо! Я шестнадцатого пока вышла, так
нахваталась воздуха! Уже все ходят раздетые, ну я-то была в шерстяных
носках и в зимнем пальто.

Ну, когда я выздоровлю?!

Лежу, читаю, наверное, скоро ослепну.

Вот соскочила бы и побежала. Да нет, маленько походишь и уже больно. А
так я очень себя чувствую.

Учиться дальше в физкультурном Вере не пришлось: физические нагрузки здесь
большие, а здоровье подкачало. Другой бы в уныние впал, но только не Вера. С
присущей ей энергией она делает свой

ВЫБОР,

остаётся в Москве, чтобы поступить в другой — Московский институт советской
кооперативной торговли.

Почему — туда?

Там учились кемеровчане-одноклассники.

28.VI.1938 г.

Сегодня 28-е, и я ещё в Москве. Вы меня к первому не ждите и лучше всего совсем не ждите. Не беспокойтесь, я чувствую себя хорошо, хотя и плохая погода.

Я поступила на подготовительные месячные курсы и думаю остаться в Москве учиться. Нужно сдавать снова.

Здорово за эти дни измучилась, похудела, но чувствую себя хорошо. Сейчас нужно усиленно заниматься.

Мама, мне совершенно не в чем ходить. Сарафан весь расползся, и ни платья, ничего нет. Я всё время в пальто хожу. Купить можно, но купец ещё не приехал. Мама, вы шейте мне хоть какое-нибудь платьишко или юбку, а то, если я поступлю в институт, в чём же я ходить буду, ведь в этом институте в брюках ходить нельзя.

Хотела уехать из Москвы, поехать в Казань учиться, но очень трудно, уже привыкла.

Мама, вы не думайте, не беспокойтесь, а то вы опять поди худеете и сидеете.

7.VII.1938 г.

Сегодня первый раз я была на занятиях подготовительных курсов. Завтра переезжаю в институт. Институт очень хороший, институт-комбинат. В нём всё есть, как в нашем было.

Какая в Москве жара невыносимая! Для меня просто гроб с музыкой. Сегодня первый день прохладный, а то я всё время валялась. На меня жара очень утомляюще действует. Все дни, как было жарко, я не вставала с постели. Очень сильно бьётся сердце. Ничего не ем, только пью. Сегодня хорошо. Вообще у меня большое улучшение.

Я смотрела «Анну Каренину» — наплакалась! «Детство Горького» — тоже слезу пускала.

14.VII.1938 г.

Почему вы мне ничего не пишете? Я ещё ни одного письма не получила. Живу в институте. Институт очень хороший, общежитие тоже хорошее. Сейчас мы живём трое в одной комнате. Приходится очень много заниматься, а то иначе ничего не повторишь.

У нас по 6-8 уроков в день. Совсем времени нет. Ведь до испытания осталось всего одиннадцать дней, а матерьяла — жутко! Я всё перезабыла, всё нужно снова. Завтра день отдыха, поедем купаться и загорать на канал. Возьмём книги и будем заниматься.

26.VII.1938 г.

Я сейчас здорова, чувствую себя очень хорошо, даже хотела удрать обратно в свой институт, но комиссия не пропустила — порок сердца. Мама, даже не верится — настоящий порок сердца! Я ревела, как дура, на комиссии, когда мне сказали. Как обидно!

Наш институт на параде выступил лучше всех. Я здесь тоже плакала: они выступают, а я смотрю. В институте, где я сейчас живу, скучно, и я всё время бегаю в старый. Все загорелые, здоровые, а здесь худые, бледные — все сидят и корпят.

С первого августа будут испытания. Я боюсь и не боюсь. И, главное, как следует не могу готовиться. Очень больно.

14.VIII.1938 г.

Мама, ну что делать? Как хочется домой, но билеты уже до 19-го проданы.

Мама, как я сдала! Мне даже самой не верится. Молодец, что я сюда пошла.

18.VIII.1938 г.

Вы, наверное, сейчас на аэродроме, ведь сегодня День авиации. Я сижу дома. Сейчас 11 часов дня. Все едут на Тушинский аэродром. Народу — тьма! Наш институт стоит как раз на пути к Тушину. Народу! Я сейчас смотрю на улицу в окно, а люди идут сплошной лавиной. Трамваи не трамваи, а человеческие тела. И на крыше, и на буферах, на окошках — везде люди висят, просто с ума сходят.

Летит 125 самолётов, гром! Какая красота!

23.VIII.1938 г.

Скорее бы настал июнь 1939 г., чтобы я приехала домой. Из наших ребят я абсолютно никого не вижу. Они совсем почти не бывают дома. Бродят, как одурелые, по Москве. Вчера была в зоопарке, всяких слонов и ослов видала, не только на четырёх, но даже и на двух ногах...

13.X.1938 г.

О хорошем, как правило, помнит любой,

И годами хранит, никуда не девая.

Общежитие! Пристань моя путевая!

Я экзамены сдам и уеду домой.

И настольный огонь на столе

Озарит не мои, а чужие тетради...

Вы только не сердитесь. Мне не хочется писать лекции, я занимаюсь бумагомараньем. Рядом со мной сидит девушка, которая искутит сладости всей замужней жизни. Она скоро выходит замуж, я у неё буду присутствовать как бывший жилец одной комнаты (она обещает). Она

прочла, что я выдала её секрет, и больно ущипнула.

Мама, будете посылать посылку, пришлите немного орешков.

6.XI.1938 г.

Сейчас по-московски полдвенадцатого, а по-кемеровски уже четвёртый час ночи. Вы, наверное, спите, и даже не думаете обо мне, а я сижу и вспоминаю всё до мелочей у нас дома.

У вас, наверное, холодно, а в Москве погода стоит очень хорошая. Мы всё ещё купаемся. Вошло в привычку ходить купаться вечером. Как хорошо: вода тёплая, тёплая. Мы купаемся в канале Москва-Волга. Он протекает от нашего института очень близко, каких-нибудь минут пятнадцать ходьбы, идти всё время по лесу. В общем, институт стоит на хорошем месте, только немного далеко от центра (около часа на трамвае).

Я поступила на планово-экономический факультет. Не знаю, хороший или нет, но мне посоветовали люди, которые в этом разбираются.

На нашем факультете нужно быть сильным в политике. Мне уже пришлось сесть за Маркса. И не так уж скучно, как мне раньше казалось, даже интересно. Вообще, мне сейчас почему-то очень хочется заниматься. Я серьёзно взялась, не знаю, чем кончится. Хорошо бы, если бы это было до конца года.

Завтра демонстрация. В десять часов утра выезжаем на трамвае из института до Военной академии, а оттуда придётся километра четыре идти до Красной площади пешком.

Я начала заниматься физкультурой. Записалась в легкоатлетическую секцию. Через день занимаемся. 9-10 будут соревнования нашего первого курса, я хочу выступить. Результаты, конечно, у меня гадостные, не знаю, какие будут на соревнованиях. Физкультура в институте поставлена хорошо. Я сейчас нисколько не жалею института физкультуры.

Меня выбрали культургом, приходится работать.

11.XI.1938 г.

Вчера кончились соревнования между нашим институтом и другими такими же по лёгкой атлетике. Я тоже участвовала. Всё стала делать плохо, только по толканию ядра заняла первое место. Видно, больше не попрыгать, не побегать. Буду заниматься гимнастикой. Коллектив физкультуры очень хороший. Дни пока идут быстро, не знаю, как будет дальше. Заниматься очень интересно. Мне очень нравится политэкономия. Погода в Москве стоит хорошая, мы ещё купаемся. Сейчас была у врача, проверяла сердце, он обещает летом послать на курорт, да, наверное, только обещает — до лета можно пятьдесят раз умереть и опять родиться.

Деньги я получила. Мама, не сердитесь, я кроме еды ни на что не трачу, но нам ещё стипендию ни разу не давали, поэтому так и получается.

24.XI.1938 г.

Что такое, я в пятидневку письма 2-3 посылала, а от вас они очень редки. Вы, наверное, не на каждое моё письмо отвечаете. Все получают письма, а я нет, хотя пишу больше всех. Я же ни с кем, кроме дома не переписываюсь и поэтому жду ваших писем, как нищий куска хлеба. Пишите чаще.

Сегодня 26 ноября. Я сижу на математике. У меня глаз распух. Сижу, как индюшка.

Вы спрашиваете про Петра Гора. Он здесь, в Москве, учится в педагогическом институте. Каждый предвыходной и выходной приезжает к нам. Он очень пережил, и от прежнего самоуверенного Петра ничего не осталось.

Самоуверенности в те годы у многих поубавилось. После прогремевшего на всю страну «Кемеровского дела», когда к суду привлекли многих руководителей и специалистов, процессы над «врагами народа» продолжались с большим пылом. Не щадили никого: ни тех, кто делал революцию и восстанавливал хозяйство, ни тех, кто закладывал фундамент новой социалистической экономики. Фундамент был непрочным, и потому

стены, возводимые на нём, трещали по всем швам. Власть искала крайних.

Василия Борисовича Гора, работавшего директором коксохимзавода, обвинили в том, что он «создал на коксохимзаводе право-троцкистскую группу, которая под его руководством занималась вредительством, направленным на вывод из строя отдельных цехов завода, занималась шпионской деятельностью». Его идейными вдохновителями и руководителями были Пятаков, Дробнис и Норкин. По их заданию он, будучи директором 4-го завода оборонного значения, «срывал выпуск оборудования строек и действующих заводов».

58-я сработала быстро и чётко: Василия Борисовича расстреляли вскоре после оглашения приговора.

1.XII.1938 г.

У нас было групповое совещание, и меня отругали за то, что я плохо работаю группоргом. Пришлось дать слово, что буду раьботать хорошо. И это из-за билетов. Я должна ходить и доставать билеты в кино, театр, а разве хочется. Мы недавно ходили на «Фауста». Конечно, нечего спрашивать, понравилось или нет. В первый раз такую вещь смотрю, и, конечно, очень понравилось. Перед просмотром прочитали «Фауста», разобрали. В опере немного другое. В произведении «Фауст» главным лицом выступает доктор, т.е. Фауст, а в опере ведущую роль Гуно дал Мефистофелю.

Вы послали мне телеграмму из физкультурного института. Лучше бы не посылали. Я вся изревелась, как корова. Я туда не ходила. Если б пошла, то, наверное, осталась бы. Когда успокоюсь, тогда пойду. Конечно, я уже из этого института никуда не уйду.

Итак, выбор сделан: Вера не поддавалась обстоятельствам и сумела возвыситься над ними.

Пришло успокоение: по душе институт, по душе будущая профессия, рядом много друзей, свободного времени в обрез, но нет-нет да и заползёт в твою душу, как душу всякого мыслящего человека

ЧЕРВЬ СОМНЕНИЙ

(продолжение следует...)